

Книги Константина Калбазова
в серии
**ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК**

РЫЦАРЬ. ЦАРСТВО НЕБЕСНОЕ

РЫЦАРЬ. СТЕПЬ

РЫЦАРЬ. КРОУСМАРШ

РЫЦАРЬ. ЕРЕТИК

ВЕПРЬ. СКОМОРОХ

ВЕПРЬ. ЛЮТЫЙ ЗВЕРЬ

ВЕПРЬ. ФЕНИКС

РУБИКОН

РУБИКОН. ДВАЖДЫ В ОДНУ РЕКУ

ПЕС. СТРАЖ

ПЕС. БОЕЦ

ФРОНТИР. ПРОПАВШИЕ БЕЗ ВЕСТИ

ФРОНТИР. ПЕРО И ВИНТОВКА

ФРОНТИР. ДОРОГА НА ДВОИХ

ФРОНТИР. ГОРОД В СТЕПИ

БУЛЬДОГ. В НАЧАЛЕ ПУТИ

БУЛЬДОГ. ЭКЗАМЕН НА ЗРЕЛОСТЬ

БУЛЬДОГ. ХВАТКА

КОЛОНИЯ

КОЛОНИЯ. КЛЮЧ

КОЛОНИЯ. ДУБЛИКАТ

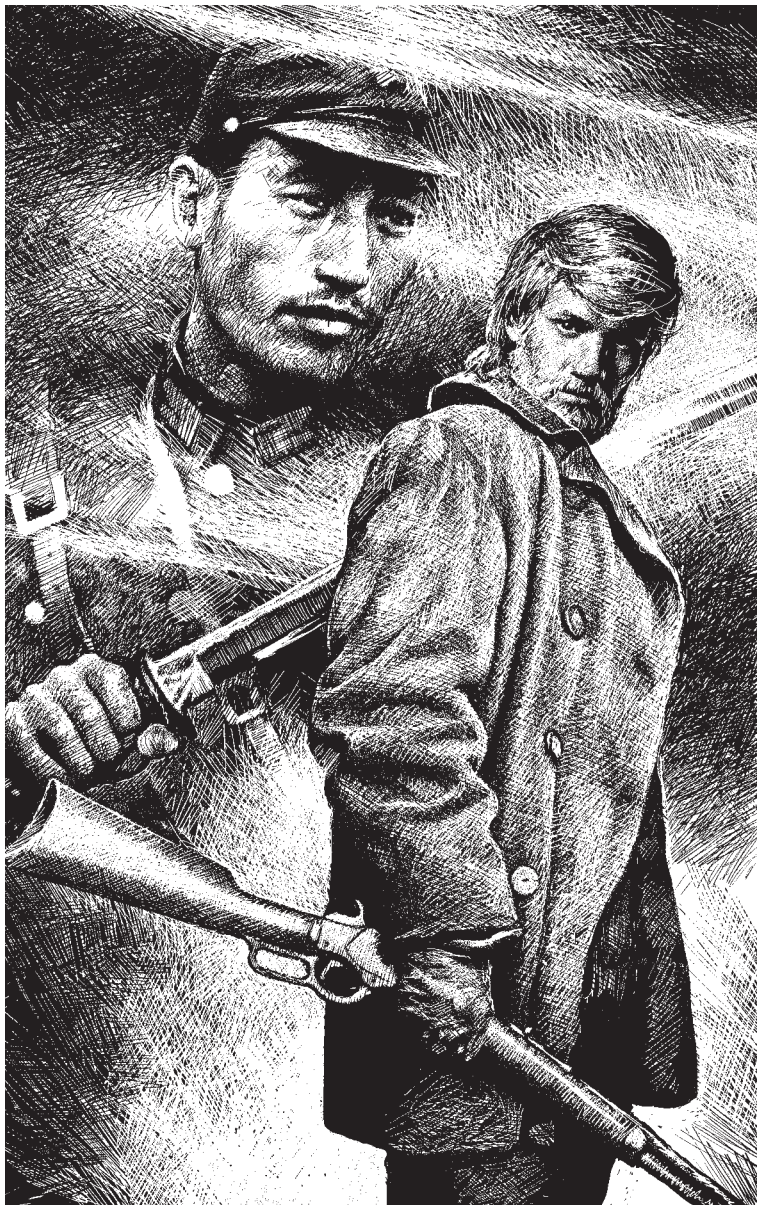
ОДИНОЧКА. АКВАНАВТ

ОДИНОЧКА. ОХОТНИК ЗА ГОЛОВАМИ

ОДИНОЧКА. ПАТРИОТ

НЕСГИБАЕМЫЙ

НЕСГИБАЕМЫЙ. ВРАГ ПОЧТИ НЕ ВИДЕН

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

КОНСТАНТИН КАЛБАЗОВ

НЕСГИБАЕМЫЙ. ВРАГ ПОЧТИ НЕ ВИДЕН

РОМАН

Москва, 2016
 АРМАДА
&
«Издательство АЛФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
К17

Серия основана в 1992 году
Выпуск 1024

Художник
В. Федоров

Калбазов К. Г.

К17 Несгибаемый. Враг почти не виден: Фантастический роман. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2016. — 313 с.: ил. — (Фантастический боевик).

ISBN 978-5-9922-2302-6

О чем в первую очередь подумает наш современник, будучи хорошим автослесарем и оказавшись в мире, где балом правит пар? Правильно. Он решит создать двигатель внутреннего сгорания. Конечно, будет нелегко и даже опасно. Но ведь и удачу нельзя сбрасывать со счетов. Пару-тройку раз едва не отправился на тот свет? Ерунда. Зато стал золотодобытчиком и владельцем прииска. Угодил на скамью подсудимых за преступление, которого не совершал? Мелочи. Зато встретил настоящего друга и соратника. Едва не оказался жертвой кровной мести и чудом разминулся с костлявой? Тоже не так все плохо. Зато повстречал ту, с которой захотелось бы прожить до глубокой старости.

Вот только не все еще на этом заканчивается. Потому как, если ты притягиваешь к себе удачу, будь готов к тому, что она ходит рука об руку с неприятностями. Большими неприятностями.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

© Калбазов К. Г., 2016
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2016

ISBN 978-5-9922-2302-6

Глава 1 «КРЕСТЫ»

Ростоцкий Антон Иванович. Георгиевский кавалер. Ветеран. Отправился на фронт вольноопределяющимся после первого курса университета и окончил войну в чине поручика. Участник парада победы в поверженном Берлине. Четыре года позиционных боев. Участие в ряде важнейших операций на Юго-Западном фронте. Чуть ли не сотня штыковых.

После победы поступил в университет на механический факультет. Считался одним из талантливейших студентов. Имел несколько рацпредложений и два запатентованных изобретения, пусть пока и не нашедших себе применение. И это несмотря на перерыв в обучении сроком четыре года и отупляющую войну. Кстати, отсюда и его великовозрастность в студенчестве.

В ресторане компания молодых людей оказалась по случаю удачной сдачи зимних репетиций. Ростоцкий собирался готовиться к защите диплома. Его подруга, второкурсница, решила устроить по этому поводу небольшой банкет. Именно она уговорила остальных пойти в ресторан «Астории». Трудно сказать, чего она хотела. Произвести впечатление на молодого и перспективного выпускника или просто приятно провести время с друзьями.

Возможно, первое. То, как девушка вела себя на суде, говорило само за себя. Так переживают и жаждут мщения только в случае потери дорогого человека. Странно. А Петр ничего такого не заметил. Хотя... А что он вообще в тот момент замечал? Ему выдвигают серьезное обвинение, а он, как мальчишка, радуется тому, что узнал имя девушки. Игнатьева Александра

Витальевна. Александра, Саша, Сашенька. Это имя подходит ей, словно платье, пришедшееся впору.

Н-да. Похоже, диагноз. А ведь думал, убьет ее, если она посмеет на него взглянуть с презрением, разорвет в клочья и еще бог весть что. Но, к счастью, рассудок не потерял. Сумел трезво подойти к разрешению ситуации. Правда, помогло это мало. Ну да хотя бы досталось не ей, и то радуется. А ведь могло прилететь. Очень даже могло.

Дверь открылась с характерным тюремным скрежетом. Это Петр для себя сделал такое наблюдение. Нигде ничего подобного слышать ему не приходилось. Даже в его развеселом детстве. Кто же в здравом уме станет сажать в камеру малолетку? Плевать, что детдомовский. Очень даже может выйти себе дороже. Причем в прямом смысле этого слова. И хорошо как премии или тринадцатой лишат, а то ведь могут и без штанов оставить.

Этот мир не был для него родным. Хотя тут та же Россия. Те же исторические личности. Вернее, практически те же. Потому как характеры у них все же отличаются от известных Петру, как и поступки. Так, например, Колчак, вместо того чтобы поддержать заговорщиков в феврале 1917-го, остался верен присяге. Опираясь на свой безусловный авторитет в войсках, умирил взбунтовавшиеся запасные батальоны. Затем жестко пресек все беспорядки в столице.

Как результат Февральский переворот так и не был осуществлен. Россия оказалась в стане победителей и еще сумела отстаивать интересы поверженной Германской империи. Кстати, она устояла, в отличие от Австро-Венгерской. Эта развалилась на множество независимых государств.

Что за ералаш? Ну это как сказать. Это ведь не тот мир, в котором родился Петр, а очень даже параллельный. И сейчас на дворе начало марта 1923 года. А оказался он здесь полтора года назад. Прибыв из века двадцать первого.

В то лето он приехал в город Красноярск к своему другу по детскому дому. Тот был ученым, трудился в Красноярском университете и горел идеей создания пространственного про- боя. Вот только вместо этого создал машину, с помощью кото-

рой можно было путешествовать в параллельных мирах. Вот в такой мир их и засосало после первого же испытания. Васютин погиб сразу же, а Петр остался без надежды на возвращение.

В остальном же он вполне неплохо вписался в этот мир. Хотя его приводили в недоумение буденновки с двуглавыми орлами вместо больших звезд и полное отсутствие двигателей внутреннего сгорания. Вот так вот. Здесь балом правит пар. Бегают паровые автомобили, причем резво так, просто загляденье, самолеты, дирижабли — все на пару. И при этом никакого стимпанка, просто так все сложилось.

Будучи в своем мире автослесарем, и весьма хорошим, Петр отлично разбирался в двигателях. И конечно же первое, о чем он стал мечтать, — это создать двигатель внутреннего сгорания. А что? Чем не цель в жизни? Опять же можно будет вписать свое имя в анналы истории этого мира.

Двигаясь в этом направлении, ему пришлось преодолеть множество испытаний. Не раз и не два рисковать собой. Но с другой стороны, несмотря на все трудности, ему, словно в награду за стойкость, постоянно везло. Уже через два года Пастухов стал купцом-золотопромышленником, зарегистрировав права на золотonosный участок. И все-то складывалось у него хорошо, но... И черт его дернул поехать в столицу!..

В допросную комнату вошел мужчина среднего роста, с солидным брюшком, подкрученными усами и бородкой клинышком а-ля «император-самодержец». При этом мужчина отирал носовым платком свою покрасневшую шею и пыхтел, как паровоз перегретым паром. Вроде и не скажешь, что особо толстый, чтобы так-то страдать. Но Петр знал: это вызвано тем, что адвокат только с мороза, вот и бросает его в жар.

Что бы там ни говорили о царских тюрьмах, но натоплено тут изрядно, впору в исподнем ходить. Впрочем, в камере Петра, где заключенных около десятка, считай, так и ходят. А то и вовсе с голым торсом. Разве что в штанах. Отсвечивать в калесах все же моветон.

— Здравствуйте, Аркадий Петрович, — поздоровался Пастухов с адвокатом.

— Здравствуйте, Петр Викторович, — ответил тот, устало опускаясь на стул.

— Чем порадуете?

— А разве я вас уже не порадовал?

— Меня приговорили к четырем годам ссыльных поселений. По-вашему, это «порадовали»? — откидываясь на спинку стула и вперив недовольный взгляд в адвоката, возмущенно возразил Петр.

— В вашей ситуации добиться лучшего результата было невозможно.

— Что значит — невозможно? Я его не убивал, — упершись руками в столешницу и нависнув над адвокатом, возмущенно выкрикнул Петр.

Тут же скрипнула дверь, и в комнату заглянул надзиратель, обряженный в черную форму. Аркадий Петрович поспешил выставить руку в успокаивающем жесте:

— Все в порядке. Это нормальная реакция. Клиент полностью себя контролирует.

— Может, все же присмотреть? — остановившись в дверях, заинтересовался надзиратель.

При этом он так зыркнул, что, казалось, был готов прибить Петра на месте. Об этом буквально кричал весь его облик. Дай ему только законный повод, и, никаких сомнений, размажет тонким блином. И Петр прекрасно осознавал, что этот детина скорее всего ему не по зубам. Правда, в жизни всегда есть место случаю. Вот только он не стал бы делать на него ставку.

— Нет необходимости. Если что, я нажму на кнопку вызова, — заверил надзирателя адвокат. — Петр Викторович, присядьте. Присядьте, иначе он не уйдет.

Петр в очередной раз окинул надзирателя взглядом и опустился на стул. Какой-то театр абсурда. В своем мире едва не оказался на скамье подсудимых по надуманному обвинению. Здесь успел спровадить на тот свет целую прорву народу. И едва уверился в некоей справедливости этого мира, как тут же вляпался по самое не балуй. И что самое обидное, он опять был невиновен.

— Аркадий Петрович, я повторяю вам. Да, он нашел меня в зимнем саду. Да, попытался банально набить мне морду и получил по морде сам. Но когда он лежал там, на полу, то был жив. Уж поверьте, с некоторых пор я научился отличать живых от мертвых.

— Да верю я вам, Петр Викторович. Верю. Но факты — упрямая вещь. Вас нашли рядом с трупом. Незадолго до этого при большом стечении народа между вами произошла ссора. Причем весьма и весьма серьезная.

— Но ведь это же бред. Во всех материалах дела указано, что я был обнаружен рядом с бездыханным телом, будучи сам без сознания. Я не какая-то там институтка, чтобы грохаться в обморок. Я уверен, что меня оглушили.

— Не институтка, это верно. Но зато имеете контузию. А контузия — это дело такое. — Адвокат поднял руку и неопределенно покрутил открытой кистью. — К тому же на вашем теле, и на голове в том числе, не обнаружено никаких следов побоев.

— Да не вопрос. Мешочек с дробью, и никаких следов, а клиент в отключке.

— У Ростоцкого не было врагов. Он остался в стороне даже от повального увлечения политикой. В средствах был стеснен, но никогда и ни у кого не одалживался, пороком игры не страдал, и вообще вел добропорядочный образ жизни. Все его устремления и интересы вертелись вокруг механики. Ну кому вздумается лишать его жизни таким мудреным способом? Кроме прочего, ваши слова проверялись, и полиция отработывала эту версию.

— И как я полагаю, не больно-то усердно, — хмыкнул Петр.

— За усердие не скажу. Но если судить по материалам дела, вполне добросовестно. Увы. Но все против вас.

— И для чего вы сюда пришли?

— Поверьте, никто не смог бы добиться того, что сумел сделать я. Непредумышленное убийство и минимальный срок ссылки — это максимум, что вообще было возможно выжать из сложившейся ситуации. Я имею определенный вес и репу-

тацию в адвокатской среде и именно поэтому пришел сейчас к вам. Я просто обязан предостеречь вас от подачи апелляции. Это приведет только к более суровому приговору.

— Заботитесь о своем добром имени, значит?

— Уже позаботился. Я вас предупредил и теперь умываю руки. Теперь никто не сможет сказать, что я бросил своего клиента на произвол судьбы и не боролся за его интересы до конца. А глупость клиента... Увы, но это только его глупость, и тут любой бессилён.

— То есть я сейчас совершаю глупость?

— Если продолжите борьбу, то да. Если последуете моему совету, то вам следует отписать в суд отказ от апелляции и как можно скорее отбыть к месту ссылки. В этом случае вы будете иметь возможность выбрать место пребывания. Не то чтобы выбор был столь уж велик, но все же.

— Я. Его. Не у-би-вал.

— И что самое поразительное, несмотря ни на что, я вам верю, — вполне серьезно ответил адвокат. — Но поделать ничего не могу. Разве что самолично передать подписанный вами отказ.

— Вы понимаете, что, как только приговор вступит в законную силу, меня лишат купечества и мой договор аренды на золотиносный участок тут же утратит силу? Причем без возмещения убытков. Я не женат, у меня нет компаньонов и наследников, так что участок получается бросовым.

— Разумеется, я это понимаю, — заверил адвокат.

— Хорошо. Поступим так. Мы с вами прямо здесь и сейчас подписываем договор, согласно которому вы становитесь моим компаньоном и получаете ровно пятьдесят процентов чистой прибыли, которую приносит прииск.

— То есть вы предлагаете мне половину прибыли с прииска, если я вытащу вас отсюда без последствий?

— Именно, — решительно тряхнул головой Петр.

— Н-да. Подобные предложения поступают лишь раз в жизни. Но, как бы это ни выглядело для меня соблазнительно, поделать я ничего не могу. Да-с. Я сделал все возможное и смею вас заверить — большего сделать не сможет никто. Могу

вам посоветовать только одно. Перепродайте право аренды на ваш участок. До вступления приговора в законную силу вы вполне можете это сделать. Ну а там уж как договоритесь. У вас есть на кого положиться?

— Ну, я бы не сказал, что так уж уверен в этом человеке.

— Тот самый купец, из-за которого все и началось?

— Вообще-то глупо в случившемся винить его. У нас, почитай, все купечество такое. Просто нашла коса на камень, вот и все. Кстати, Аркадий Петрович, а отчего бы вам не перекупить права аренды?

— Мне? — искренне удивился адвокат. — Кхм... Видите ли, Петр Викторович, я тщеславен, что есть, то есть, но не алчен. Отправляться за золотом, сменив удобства столицы на таежную дикость? Брр. Чур меня. Хотя конечно же свой интерес за посредничество в этом деле и за оформление соответствующих бумаг я не забуду.

— Л-ладно. Все одно я ничего не теряю. Дайте бумагу и карандаш, напишу его координаты.

В то, что адвокат и впрямь сделал все возможное, Петр поверил безоговорочно. Теперь оставалось постараться выйти из сложившейся ситуации с минимумом потерь. Уверен ли он в Завьялове? Игнат Пантелеевич — он, конечно, своей выгоды не упустит, но компаньоном будет вполне надежным.

Согласится ли он на условия Петра? Разумеется. У него попросту не будет иного выхода. Понятно, что Петра лишат купеческого звания. Вот только красноярские чиновники узнают об этом по прошествии какого-то времени. Да еще кто-то должен подать весточку о том, что местечко опустело.

Словом, для того чтобы оказаться первым у кормушки, связей Завьялова скорее всего будет недостаточно. В Красноярске одних только купцов первой гильдии порядка четырех десятков, причем все они золотопромышленники, и немалая их часть — не в первом поколении. Завьялов им точно не конкурент.

А вот в случае, если Петр оформит с ним сделку, дело приобретает совершенно иной оборот. Тут уж никто и ничего не сможет поделывать. Как это было в случае с Петром. Разве толь-

ко подвинуть. Но сомнительно, что кто-то захочет связываться с шурином Кравцова.

Деньги — они, разумеется, решают многие проблемы, но не в том случае, когда замешаны родственные узы. Кравцов не позволит съесть Завьялова, коль скоро тот станет законным арендатором. С Петром же связываться не захотели. Хотя он и не родственник. Так. Всего лишь пару раз спас жизнь господину надворному советнику.

Едва Петр закончил записывать координаты Завьялова, как адвокат поспешил покинуть допросную. Все верно. А что ему тут еще делать-то. Пастухов даже заподозрил, что Аркадий Петрович приходил сюда специально для того, чтобы оформить сделку по прииску. Нет, в то, что он как-то смоделировал ситуацию, Петр не поверил бы. А вот в том, что не преминул воспользоваться обстоятельствами, не сомневался ни мгновения.

Едва дверь за адвокатом закрылась, как на пороге возник надзиратель. Вот интересно, он всех так ненавидит или именно к Петру испытывает такую неприязнь, что кушать не может?

— Встать. На выход.

Нет, однозначно, при одной только мысли о Пастухове у него начинаются проблемы с аппетитом.

Впрочем, мысли об этом ничуть не мешали Петру выполнять распоряжения надзирателя. Законный повод для внепланового пересчета костей своего скелета давать не хотелось категорически.

— К стене.

Едва выйдя из допросной, Петр тут же встал к стене, справа от входной двери. И стоял так, пока надсмотрщик гремел ключами, запирая дверь. Вспомнился чей-то рассказ о том, что, мол, подобное обращение с заключенными в тюрьмах было возвращено НКВД. Угу. Чушь собачья. Советские тюрьмы использовали опыт старых тюрем.

— Прямо.

Петр отлип от стены и пошел по коридору. У решетки, перегородивающей коридор примерно через десяток метров,

картина повторилась. Учитывая же то, что идти ему в противоположное крыло тюрьмы, процесс этот будет повторяться еще не один раз.

Впрочем, все эти команды Петр выполнял уже вполне привычно, не отвлекаясь от своих мыслей. А подумать ему было над чем.

Итак, его осудили за преступление, которого он не совершал. Обидно. И это еще мягко сказано. Знать бы, кто так ловко его подставил. Ведь ясно же, что студент кому-то мешал, и его убрали, воспользовавшись их ссорой. Но кто? Возможно, стоит понять, за что, и тогда заинтересованное лицо само рисуется.

Красавица Александра. Что там о ней говорил адвокат? Единственная наследница крупного русского промышленника. Одного из виднейших толстосумов империи и лидера в автомобилестроении. Причем его продукция разлетается, как горячие пирожки, не только в Российской империи, но и за границей. За такой завидной партией однозначно ведется охота. Этот же Ростоцкий крутился вокруг нее, как репей. Да. Скорее всего причина — именно Игнатьева. Ничего другого на ум как-то не шло.

К чему это Петру? Ну как сказать. Вообще-то кого-либо прощать в его планы не входит. А вот спросить... Спросить по всей строгости. Это да. От этого желания его буквально распирало. Конечно, законными путями доказать ничего не получится, ну да где наша не пропадала. Ему главное знать, а там спросит. Пусть и по прошествии нескольких лет. Так месть станет даже слаще. Когда эта сволочь успокоится и не будет ждать беды.

А ссылка... По правде говоря, то, что Пастухов узнал, говорит о том, что здешняя ссылка — это даже не определение на вольное поселение в его России. Можно спокойно работать, можно просто жить за счет своих средств. Владеть оружием, ходить на охоту и вообще жить в свое удовольствие. Только и того, что являться вовремя на отметки к надзирателю. Курорт, йолки.

И насчет выбора места ссылки адвокат не наврал. Если отказать от апелляции до вступления приговора в законную силу, судья и впрямь может предоставить выбор среди имеющихся вариантов. А нет — тогда ткнет наугад из списка или же выберет что-нибудь особенно неприятное. Оно ведь как. Одно дело, если это будет какое-нибудь сибирское поселение. А то ведь может оказаться и какое-нибудь чукотское стойбище у самого Ледовитого океана. Разница, однако.

Времени у Петра вполне достаточно. По такому горячему делу Завьялов будет лететь со всей поспешностью. Максимум в четыре дня управится. Это даже если он помчится на поезде. Ну в крайнем случае в пять. Нет. Это вряд ли. Телеграмму купец получит уже часа через три. Как раз ночным и двинется.

Тот, правда, идет на Москву, но это не критично. В Екатеринбурге можно оседлать самолет и долететь за один световой день. И то, что купец не переносит полетов, вряд ли его остановит. Эдак он даже быстрее управится. У Петра же до вступления приговора в законную силу в запасе десять дней. Впрочем, уже девять.

— К стене.

Продолжая пребывать в раздумьях, Петр привычно встал лицом к стене у входа в камеру. Хм. Что-то не так. Несмотря на размышления, он все же видел, что привели его в тот самый коридор, но... Точно. Это не его камера. Соседняя. Растяпа. Похоже, помимо потери аппетита, у надзирателя еще и с головой не порядок.

— Заходи.

— Господин надзиратель, это не моя камера, — попытался было исправить ошибку Петр.

— Твое тут только то, что на параше. П-пшел, урка.

Петр едва не влетел в камеру от сильного толчка. Впрочем, и влетел бы, будь он чуть худосочнее. А так... Ну, пару шажков просеменил, а там и остановился. Впрочем, надзирателю и этого было более чем достаточно, чтобы захлопнуть за Петром глухо бухнувшую дверь.

— О! Новенького подкинули.

Четверо. Двое сложения крепкого, если не сказать больше. Двое — так. Ничего серьезного. Один сухонький, уже в годах, седой, с широкими и густыми шевченковскими усами. Второй — просто шнырь. Шестерка, однозначно. Но именно он и подал голос первым.

— Ну не такого уж и новенького, — возразил Петр, сиюсья понять происходящее.

— А ты назовись, добрый человек, — попросил сухонький усач.

Все рассказы о том, что в камеру нужно входить как-то по-особому, через какой-то там ритуал, рассказы и есть. Главное и непреложное условие — это вежливость, только и всего. От человека, незнакомого с местными реалиями, ничего иного не требуется. Новый сиделец постепенно входит в местные порядки и правила. И только по прошествии некоторого времени с него начинается спрос по иной шкале.

Это к тому, что никто с порога не начнет тебя гнобить, если на то нет серьезной причины. Ну или тебе не повезло, и ты попал к беспредельщикам. В этом мире воровского закона как такового нет. Есть некие общие правила, которых стараются придерживаться различные группировки, дабы предотвратить беспричинную поножовщину. И во главе группировок стоят Иваны, авторитеты преступного мира, но это еще не Воры. К этому все пока только идет, но, как скоро воплотится в жизнь, неизвестно. В мире Петра этому во многом способствовала Октябрьская революция, или Октябрьский переворот, это уж кому как.

Поэтому сейчас есть те, которые считают, что способны противостоять кому угодно. По сути, это и не беспредел. Просто они берут на себя ровно столько, сколько, по их мнению, могут унести.

Вообще-то странно, что надзиратель перепутал камеру. И состав сидельцев несколько настораживал. Двое быков и усач, явно душегубы. Это сразу видно по их вальяжным повадкам и взгляду. Пустому, равнодушному, проходящему сквозь тебя, будто ты пустое место и уже не существуешь. Но с другой стороны, вопрос задан достаточно вежливо.

— Петр. Из соседней камеры. Надзиратель вел с допроса, да, как видно, камеру перепутал.

— Уж не купец ли, часом, ты из Красноярска? — вновь поинтересовался усатый.

— И что, если так? — слегка склонил голову набок Петр.

— Здесь я спрашиваю, добрый человек, — покачал головой усач.

— Ты не следователь, чтобы мне вопросы задавать.

— Не следователь, — согласно кивнул незнакомец. — Но на вопросы мои ты ответишь. Добром или нет, то решать тебе.

— О как.

— Да уж так.

— Ладно. Да, я из Красноярска.

— Вот видишь, как тесен мир, купец. Думал я да гадал, как бы мне с тобой повстречаться. А судьба сама нас лбами столкнула. Вижу, не понимаешь. А не ты ли год назад пострелял двух беглых каторжан? Вижу, что ты. Сундук корешем моим был. Такие дела, паря.

Вот так номер. То не везет, не везет, а то ка-ак не повезет. Не опасайся Петр выпустить уркаганов из поля зрения, то непременно сейчас затряс бы головой, куда там коню на водопое. Ну не бывает так! Либо это просто подстава, либо... А он не знал, какое еще «либо». Ну, случайную встречу с корешем покойного он еще допускал. Но откуда этому Ивану знать о Пастухове?

Впрочем, какие бы там сомнения его ни одолевали, в одном он был уверен абсолютно точно. Из этой камеры ему не выйти. Невольно вновь вспомнил про загнанную в угол крысу. По губам скользнула улыбка. Она не вышла ни страшной, ни угрожающей. Скорее была ироничной. А сам Петр, как это случилось уже не раз, вдруг успокоился.

Вот так. Судьба вновь бросила кости, лишив его выбора. А раз выбора нет, то и переживать не о чем. Нужно просто драться. Выйти победителем в данной ситуации — дело мудрое. Но... Хм. Другого-то выхода все одно нет.

Усач продолжал все так же сидеть за столом. А вот его подручные уже поднялись. Камера небольшая. Всего-то метра три

в длину, с проходом между двухъярусными койками шириной меньше метра и узким столом посредине. Так что от ближайшего урки Петра отделяло едва ли полтора метра.

Их подвел шуплый. Или все же плюгавый. Скорее всего, он подумал, что купец принял свою судьбу и смирился с ней. А потому шестерка решил выпендриться. Он первым шагнул к приговоренному, сжимая в руке заточку. И первым же получил хук справа, отлетев, подобно мячику, на быка, находившегося слева. Петр вложился в удар качественно, всей своей массой, слегка повернув корпус влево.

Дальше события понеслись вскачь и Петром совершенно не осознавались. Попроси его кто потом воссоздать происходившее, и он не нашелся бы, что ответить. Просто в этот момент все завертелось в каком-то головокружительном вихре, и он попросту не успевал рассмотреть и оценить происходящее.

Поворот вправо, отвести предплечьем левой руки удар заточкой, направленный в печень. И с ходу удар внешним ребром ладони в гортань, с одной-единственной целью — нанести быку как можно более серьезное увечье.

И снова лицом к тому, что слева. Бык уже отбросил в сторону бесчувственное тело шныря и бросился в атаку. Петр едва успел перехватить руку с ножом и, слегка потянув ее в сторону, убрался с пути массивного тела. Оставалось только слегка придать ему ускорения, чтобы он ни в коем случае не успел остановиться. И это Петру удалось. Бык с ходу врезался лбом в железную дверь. Крепкий кулак впечатался в бритый затылок, и голова вновь ударилась о металл, издав глухой звук.

Вновь разворот, чтобы встретить последнего из урок, оставшегося на ногах, и в этот момент бок Петра взорвался острой болью. Усатый с диким криком вскочил на стол и прямо по нему бросился в решительную атаку. Петр едва успел обернуться и самую малость сместиться с линии атаки, благодаря чему и сумел избежать смертельной раны.

Резкий удар по ушам, отчего усач закричал еще громче. Только на этот раз крик был полон не ярости, а боли. Все еще не отдавая себе отчета в своих действиях, Петр от души врезал урке в челюсть, отправив его в компанию к шнырю.

Все. Противников на ногах не осталось. Трое лежали совершенно бездвижные. Четвертый, скрутившись в рогалик у ведра параши, пытался дышать с невыносимым хрипом задыхающегося человека.

Драка может длиться достаточно долго только в том случае, если противники придерживаются каких-то правил. Или если это просто выяснение отношений. Если же противники сошлись в смертельной схватке, то она, как правило, происходит стремительно. Потому что каждый удар нацелен на то, чтобы убить, и никак иначе.

Петр окинул взглядом поверженных врагов, прижимая руку к ране на боку. Потом подобрал одну из заточек и хотел было уже прирезать их всех, к нехорошей маме. Видит бог, как он их сейчас ненавидел. Они хотели лишиться его жизни, и у него не было причин желать им здоровья.

Но именно в тот момент, когда Петр хотел уже приступить к воплощению своего намерения, он вдруг осознал, что ситуация серьезно изменилась. Он больше не был загнан в угол. У него появился выбор. Если он пустит в ход заточку, тогда выбора уже не останется и его могут привлечь за убийство, после чего прямая дорога на каторгу. Ни о какой ссылке речи идти уже не будет.

Конечно, оставлять у себя за спиной тех, кто желает тебе гибели, глупо. Но с другой стороны, если Пастухов окажется в числе ссыльных, то и шансы встретиться с ними вновь слишком малы. Нет. Однозначно все говорит о том, что использовать радикальные меры нежелательно.

Сжимая заточку, Петр застучал в дверь ее деревянной рукоятью, призывая надзирателей. Потом посмотрел на оружие в своей руке и, поспешно отерев рукоять рубашкой, отбросил его в сторону. Мало ли как тут у них все поставлено. На противниках, конечно, резаных и колотых ранений нет, и все же лучше будет, если никто не сможет привязать к нему хоть какое-то оружие.

Петр с опаской посматривал на проходящих в себя уголовников. Получивший по затылку сел, привалившись к стене и обхватив голову. Недолго думая Петр снова отправил его в но-

каут. Вот ведь какая крепкая башка. Остальные пребывали без изменений.

Вскоре в коридоре раздался топот сапог. Причем бежали не двое и не трое. Как видно, слетелись надзиратели из соседних галерей. Глазок на двери открылся, и из-за нее послышался требовательный голос:

— Отойти от двери. К стене, руки за голову. Стань правее, чтобы я тебя видел.

Наконец дверь отворилась, и в камеру ввалились четверо надзирателей. Петра тут же повалили на пол и заломили руки. Несколько секунд, и запястья оказались связанными концом веревки. Угу. С наручниками тут пока как-то не очень, но зато руки вязать наловчились на раз. Не миновала чаша сия и тех, кто пребывал в беспамятстве. А и правильно. Кто знает, чего от них ждать. Эвон одних заточек валяется четыре штуки. Да и свалка тут была однозначно не рядовая.

— Что тут произошло? — строго поинтересовался тот самый надзиратель, что определил Петра не в его камеру.

— А это нужно тебя спросить, — глянув ему прямо в глаза, без тени страха произнес Петр.

Вот кого-кого, а этого детинушку он бы на тот свет отправил. Никаких сомнений по поводу того, как именно Иван узнал о том, что это Петр пристрелил Сундука. А может, это все и ерунда. Просто урке нужна была причина, озвученная для кодлы. А дальше он действовал в стоворе с надзирателем. Скорее всего, именно так и обстояло. Но где и когда Петр умудрился перейти дорожку этому цепному псу самодержавия? Чтоб ему пусто было.

Хм. Н-да. Нет, сейчас его кончать, пожалуй, лишнее. Хотя и не факт. Кто сказал, что надзиратель не оставит свои попытки? Он имеет желание и возможности, а потому куда опаснее, чем вся эта кодла. Так что, возможно, имеет смысл все же кончить его и получить срок на каторге, чем ждать удара в спину. Человек пока живет, надеется, в том числе и на самой вонючей и холодной лагерной шконке. А вот мертвые — они уже ни на что не надеются.

— Повторяю вопрос. Что тут произошло? — потребовал ответа надзиратель.

— Объясняю. Один шибко умный надзиратель затолкнул меня не в мою камеру, где меня отчего-то решили прирезать. Пока у них ничего не получилось. Счет в мою пользу.

— Умный, да?

— Да уж не дурак. И учти, господин надзиратель, еще раз ошибешься с камерой, уже не отмоешься. У меня слишком хороший адвокат.

Н-да. Не ошибся. На этот раз Петра уволокли в карцер. Ч-черт. Нет. Однозначно — нужно следить за своим языком. Не хватало еще получить в суд ходатайство от начальника тюрьмы относительно неуживчивого арестанта. Это точно скажется далеко не самым положительным образом на его будущем пребывании в ссылке.

Хм. А жаль все же, что при всем своем прагматизме Аркадий Петрович категорически не согласен иметь дело с взятками. Весь успех его адвокатской деятельности является результатом его профессионализма. Он выигрывает процессы, а не решает вопросы. А как было бы хорошо: сунул мзду судье — и получил желаемое. Вот только от кого ни попадя судья не возьмет.

В карцере Пастухов провел пять суток. Не сказать что условия были столь уж невыносимы, но и приятными их не назвать. У него отобрали его одежду, в которой Петр пребывал ввиду того, что приговор еще не вступил в законную силу. Потом обрядили в тюремную робу, не первой свежести и не по размеру. Ну да хотя бы в чистую. На ногах вместо сапог оказались неудобные башмаки без шнурков. Хорошо хоть размер большой.

Прогулок и свиданий Петра лишили. Это несколько напрягало, но все же было не смертельно. Куда хуже то, что кормили его лишь раз в сутки, и то выдавали только по половине буханки черного хлеба и литру воды. Что ни говори, но поесть он любил и в камере у него всегда было что-нибудь вкусненькое. Отчего бы и нет, если средств на это вполне хватало и не было запрещено тюремным режимом.

Ну и сон. Спать приходилось на голых досках, укрываясь тюремной шинелькой. И это при отсутствии отопления. Конечно, минусовой температурой в карцере и не пахло, но и комнатной ее не назвать. И как только не заболел.

Впрочем, его все одно каждый день навещал тюремный доктор. Обработывал рану и менял повязку. А так, в общем и целом, ничего страшного. Прилетело Петру вскользь, и рана была неопасной. По сути, царапина. Повезло, чего уж там. До него дошли слухи, что у усача удар был поставлен хорошо и на тот свет он спровадил многих.

Из карцера его забирал другой надзиратель. Этот относился к Петру более благосклонно. Не за красивые глазки, разумеется. Но и в пределах дозволенного. Правда, он также понятия не имел, отчего его сменщик так окрысился на Пастухова. Петр уже забрасывал удочку, но безуспешно.

После одиночного заточения его сразу же повели в душевую. Угу. Имелась тут таковая. Прогресс, йолки. Пастухов испытал настоящее блаженство, оказавшись под горячими струями воды. Он бы вообще не выходил из душа с часок-другой. Но на помывку выделялось только десять минут. Благосклонность благосклонностью, но, как уже говорилось, в пределах дозволенного, и надзиратель не собирался заступать за некую черту.

Когда вышел в раздевалку, его вещи уже лежали стопочкой на лавке, а рядом стояли сапоги. Все чистое и выглаженное. Хорошо все же иметь нормальные отношения с каптенармусом. Впрочем, тут ничего сложного. Были бы деньги. А деньги у Петра водились. Ну и опять же нормальные отношения — в определенных пределах.

— Виктор Семенович, а что там слышно об этой коdle? — одеваясь, поинтересовался Петр.

— Им впаяли на полную катушку. Так что в карцере они проведут еще десять дней. Ты к тому времени уж уедешь. Если напишешь отказ от апелляции. Послезавтра партию ссыльно-поселенцев отправляют, можешь поспеть к ним.

— Угу. Если меня до того Василий не приласкает. И чего только взъелся? Я ведь его никогда раньше не видел. Или покойный Сундук и ему дружком был?

— Про Сундука не скажу. А вот тот, которого ты приласкал...

— Да не убивал я его, — в сердцах перебил надзирателя Петр.

— Угу. Ну так вот. Он вроде как у Василия был взводным и жизнь ему спас.

— Серьезно? — не на шутку удивился Петр.

— После вашей драки разбор был. Драки-то среди заключенных — дело обычное, но за оплошность с надзирателями спрос серьезный. Начальник хорошенько поприжал Василия. Правда, решил сор из избы не выносить. Сам наказал. — Надзиратель внимательно посмотрел на Петра.

— Что, Виктор Семенович, думаешь кляузничать стану? Хм. Ну, где-то я его понять могу. За боевого товарища посчитаться хотел. Но лучше бы ему больше не пытаться.

— Его в другое крыло перевели.

— Оно и к лучшему, — надевая сапог, удовлетворенно кивнул Петр.

— А урки? Этим тоже спустишь? — не удержался от вопроса надзиратель.

— А вот с этими все гораздо проще. Куда проще. Ну что, куда меня теперь? — поднимаясь с лавки, подытожил разговор Петр.

— В допросную. Там тебя адвокат дожидается. Давай на выход. К стене.

Угу. Нет, понятно, что Петр ему и приплачивает, и отношения у них вроде как вполне нормальные сложились. Но служба есть служба, и порядок конвоирования арестантов по тюремным галереям определен инструкциями.

— Здравствуйте, Петр Викторович, — поднялся ему навстречу адвокат, едва Пастухов вошел в допросную комнату.

— Здравствуйте, Аркадий Петрович. Приветствую тебя, Игнат Пантелеевич. — Едва обменявшись рукопожатиями с адвокатом, Петр протянул руку купцу.

— Кхм. Здравствуй, Петр. Я это...

— Что, опять будешь извиняться? Брось. Чего поминать, коли ничего не изменить. Да и не виноват ты в том, что случи-

лось. Виноватых мы еще найдем. Но попозже. А сейчас у меня к тебе другое дело. И если судить по тому, что ты приехал, ты вовсе даже и не против.

— Кто же в здравом уме-то откажется, — пожал плечами Завьялов.

— Условия знаешь?

— Половина от чистой прибыли, — подтвердил купец.

— Все верно. Интерес Аркадия Петровича пока полностью на тебе, а там посчитаемся.

— Как скажешь.

— Ну-с, Аркадий Петрович, где подписать?

— Пожалуйста. Все подготовлено в лучшем виде. И вот тут тоже. Это отказ от апелляции. Написано завтрашним числом, чтобы никто не мог оспорить право сделки. Мне известно, что партию ссыльнопоселенцев отправляют послезавтра. Так что надолго вы тут не задержитесь.

— И это радует. Признаться, я уже устал торчать в камере.

— В отношении надзирателя, совершившего оплошность, какие-либо действия предпринимать будете?

— Нет, Аркадий Петрович. Василия трогать не надо.

— Но...

— Я сказал — нет. Этот вопрос закрыт. А вот что касается убийцы Ростоцкого... Ну что вы так на меня смотрите? Сколько раз повторять — не убивал я его. Не у-би-вал, — отдельно произнес, как припечатал, Петр. — Игнат Пантелеевич, все-то у нас на потом, но так уж сложилось. Передайте, пожалуйста, Аркадию Петровичу тысячу рублей. Надеюсь, этого достаточно, чтобы учинить розыск убийцы? — Петр вновь перевел взгляд на адвоката.

— Вы имеете в виду наем частного сыщика? — уточнил тот.

— Ну не сами же вы будете искать преступника. На вас только контроль.

— Кхм. Я не могу поручиться, что данной суммы будет достаточно. Все зависит от того, каковы будут обстоятельства.

— Я понял. Но думаю, для начала этих средств более чем достаточно. А там по результатам.

— Как скажете.

— Примерно так и скажу. Бумагу об учинении розыска подготовите?

— Мне потребуется минут десять.

— Превосходно. А пока вы пишете, дайте мне, пожалуйста, лист бумаги и карандаш. Игнат Пантелеевич, я сейчас напишу список, что нужно будет закупить. Знаю, траты предстоят изрядные, но ты уж не скупись. Тем более что половину затрат я тебе компенсирую. Вот как только доберусь до места ссылки, так и расплачусь. Мыть золото по старинке — глупее не придумаешь. Как все обустроить на прииске, как использовать механизмы, все это Митя знает доподлинно. Не смотри, что мальчишка. Машинистов также подберет он сам. С ним уж давно оговорено. Только гляди работников не обделяй и не обманывай. Не то копейку сэкономишь, а рубль потеряешь. Разнорабочим положи жалованье рублей по пятьдесят в месяц. Мастеровым по сотне. Да об охране позаботься. А то бродят там всякие.

— Не жирно ли будет, с таким-то жалованьем? На приисках хорошо как по сто рублей в сезон платят.

— А ты на иных не смотри. По моим прикидкам, у тебя народу-то будет десятка два вместе с охраной. А это раз в пять меньше, чем на иных приисках. Сколько сезон длится? С начала мая по конец сентября? Получается пять месяцев. Так что на круг по жалованью выйдет даже меньше, чем у других, а выработка в разы больше. Правда, частично экономию по жалованью сожрут машины, но далеко не всю. Нужно обязательно озаботиться запасными частями.

— Так новое же все. Чему там ломаться? — не согласился Завьялов.

— Не экономь, Игнат Пантелеевич. Лучше пусть будет и не понадобится, чем понадобится и не окажется под рукой. Оттуда прокатиться до Красноярска — не один день нужен. Да найти все потребное. Минимум неделя вылетит. Ну и сколько ты потеряешь на простое? То-то и оно, что много больше, чем те запчасти стоят. Тем более что рано или поздно они все одно понадобятся.

— Я тебя понял. А какие именно запчасти-то брать? С Митрием твоим посоветоваться?

— Нет. Молод он, и опыта никакого. Тут бы лучше с заведующим мастерскими. С Павлом Игнатьевичем. К тому же твой зять с ним в хороших отношениях.

— Да я и сам его неплохо знаю. Добро. Все понял.

Окончив разговор, Петр быстро набросал список необходимого. Много времени это не заняло, благо список этот у него уже давно в голове сложился, все обдуманно-передумано не раз и не два. И с Митей обговаривалось неоднократно. Завьялову ни о чем беспокоиться и думать не надо. Только и того, что закупать все строго по списку.

Петр и адвокат закончили писать одновременно. Пастухов отдал свой лист купцу, сам же, быстренько пробежавшись взглядом по договору о розыске, сразу его подписал. Не собирався он прощать того, кто его подставил. Если Василия худо бедно еще мог понять, то эту сволочь непременно хотел досадить.

— Петр Викторович, у вас есть предпочтения по поводу места ссылки? Не думаю, что судья захочет с вами встречаться. Все решится завтра же, при подаче отказа.

— По возможности поближе к Красноярску. К примеру, в район строительства Транссиба. Я ведь по образованию машинист-механик. Глядишь, окажусь при деле. Сидеть просто так в глуши — занятие не из приятных.

— Ну, я примерно так себе и представлял. Что-нибудь еще?

— Да. Пусть сыщик начнет с окружения барышни Александры. Завидная партия, а между ней и Ростоким вроде как была симпатия. Во всяком случае, мне показалось именно так.

— Я вас понял, Петр Викторович...

С Завьяловым Аркадий Петрович расстался сразу по выходе из здания тюрьмы. Потому как общих дел у них, по сути, и не осталось. Означенную сумму в тысячу рублей купец уплатил сразу же. Отправляясь в тюрьму, Игнат Пантелеевич решил прихватить с собой пару тысяч на всякий непредвиденный случай. Мало ли что могло потребоваться Пастухову.

Правда, от большой суммы тот открестился, но две сотни десятирублевыми купюрами все же принял. Деньги они нигде лишними не будут, даже в тайге. Потому как даже там живут люди.

Купец с комфортом разместился в теплом салоне ожидавшего его такси, подивившись тому, что адвокат предпочел добираться от «Крестов» в центр на извозчике. К чему морозиться, если можно доехать с комфортом? И потом, в отличие от саней в авто куда свободнее. Но настаивать Завьялов не стал. Слава богу, стараниями Петра у него теперь хватало забот.

Аркадий Петрович же только поежился от ветра, задувавшего с все еще покрытой льдом Невы, и направился к извозчику. Все же для поездки сюда надо было нанять свое такси, а не принимать любезное приглашение купца. Конечно, с учетом того, что водителю пришлось ожидать больше часа, экономия вышла заметная. За простой идет двойной тариф, чтобы особо ушлые клиенты не соблазнились арендой авто на длительный срок. Но зато теперь придется изрядно померзнуть.

Человек вообще к хорошему привыкает быстро. Вот и Аркадий Петрович уже отвык пользоваться услугами извозчиков. Пусть такси и дороже, но он может себе это позволить. И потом на авто получается куда как быстрее. Его можно вызвать по нужному адресу, был бы только телефон, чтобы связаться с диспетчерской. Наконец, летом не пыльно, а зимой тепло.

Так, прикидывая выгоды новинки и помяная свою непредусмотрительность, адвокат дошел до небольшой биржи извозчиков, располагавшейся неподалеку от тюрьмы. Те пока все еще оставались актуальными, но их время постепенно уходило в прошлое.

Поморозив нос, адвокат добрался до одного из доходных домов на Моховой. Ничего особенного, самый обычный многоэтажный дом со съемными квартирами. Причем для лиц со средним доходом. Тут квартировали инженеры, чиновники, поэты, композиторы. А вот более представительная публика отсутствовала.

Пройдя через колодец двора, Аркадий Петрович вошел в один из подъездов и поднялся на второй этаж. Два раза крут-

нул механический звонок одной из четырех дверей на площадке. Та отворилась практически сразу, словно его тут поджидали. Впрочем, и впрямь поджидали. Открывший дверь высмотрел гостя еще в окно.

Статный мужчина, в котором за версту можно было безошибочно опознать шпака. Сиречь лицо гражданское. Он любезно пригласил адвоката в квартиру, лично приняв у него пальто. Затем они прошли в гостиную, где гостю предложили чай. Обжигающий напиток с мороза был совсем даже не лишним.

— Ну как все прошло, Аркадий Петрович? — едва адвокат блаженно вздохнул после первого глотка, поинтересовался хозяин.

— Даже лучше, чем мы ожидали, господин капитан.

— Отчего же вы тогда так задержались?

— Ну, вам уже известно, моего клиента содержали в карцере. Дальше сказала обычная нерасторопность работников тюрьмы. Вот и все.

— Итак?

— Клиент подписал отказ от апелляции, и завтра я с ним отправлюсь к судье. Более того, его не пришлось ни в чем убеждать и ни к чему подталкивать. Как я и ожидал, он и сам изъявил желание отбывать ссылку в нужном вам регионе, а уж по месту можете определиться сами.

— Превосходно. Но отчего вы отправитесь к судье только завтра?

— Сугубо коммерческая необходимость. Дабы избежать нежелательных коллизий в передаче права аренды золотоносного участка другому лицу.

— Опасаетесь вашего брата крючкотвора?

— Не привык считать себя самым умным. Конечно, разница даже в один час имеет значение. Но я все же предпочитаю иметь возможность для маневра.

— Ну, тут вам карты в руки. Главное, что все сложилось так, как надо. Если только не возникнет необходимость моего вмешательства в процесс. Признаться, привлечь посторонних лиц в подобных делах крайне нежелательно.

— Не думаю, что тут возникнут сложности. Судье, по сути, никакой разницы, согласится на любое место ссылки, которое я укажу. Его ведь волнует лишь одно — отсутствие апелляции, что положительным образом сказывается на его репутации. Разве что конкретное поселение.

— Слюдянка. Это на южном берегу Байкала.

— Надеюсь, там имеются ссыльнопоселенцы.

— Там располагаются два участка Управления по строительству Кругобайкальской железной дороги, строятся депо. В округе располагаются четыре каторги, и ссыльнопоселенцев более чем достаточно. Туда в первую очередь отправляют всех осужденных мастеровых, машинистов и механиков.

— Тогда можете считать, что он уже в списках ссыльнопоселенцев Слюдянки.

— Вот и замечательно.

— Да. Тут есть еще один момент, — спохватился адвокат.

— Слушаю вас, — подобрался капитан.

— Дело в том, что Пастухов заключил со мной договор на производство сыска убийцы Ростоцкого.

— То есть как это? — искренне удивился капитан.

— Он же утверждает, что не убивал его, вот и...

— И вы верите в то, что он ни при чем?

— Ну-у, в свете последних событий я уже ни в чем не уверен. Но возможно... В конце концов, он уплатил аванс в тысячу рублей и заверил, что это не предел, все зависит от результатов. Он, конечно, человек при деньгах, да и половину прибыли от прииска сумел сохранить. Но сумма все одно серьезная. Поэтому я склонен думать, что он верит в свою непричастность к смерти Ростоцкого.

— Ага. Любопытно.

— Значит, вас это дело заинтересовало и вы берете его под свой контроль?

— Что?

— Ну вы сказали, что это любопытно.

— Но не настолько, чтобы впрягаться в расследование уголовного преступления. Мы поступим следующим образом. Наймете вы частного сыщика или еще какими путями будете

распутывать эту головоломку, меня волнует мало. Но о результатах, прежде чем извещать вашего клиента, вы проинформируете вашего куратора. Тем более что он будет находиться гораздо ближе. Аркадий Петрович, просто помните о том, что вы исполняете свой долг перед Родиной, — заметив в собеседнике легкую заминку, подбодрил его капитан. — Ну и исправляете некое незначительное недоразумение, случившееся в один из холодных февралей.

— Чтоб ему пусто было, тому февралю, и не только, — едва не скрипнул зубами адвокат.

— Ну-ну. Полноте. Не так уж и обременителен ваш гражданский долг.

— Разумеется.

— Вот и замечательно. За сим не смею вас задерживать.

— Простите, Клим Сергеевич, а у вас тут, случайно, телефона нет? Хочу вызвать такси. А то, знаете ли, эти извозчики...

— Понимаю. К хорошему привыкаешь быстро. Разумеется. Я сейчас вызову.

В Петрограде имелось шесть диспетчерских, куда стекались все авто такси, если клиенты не перехватывали их по пути. Были, конечно, у таксистов и свои хлебные места. Ну, к примеру, тот же аэровокзал с причальной башней для дирижаблей. Но водители были обязаны за день выполнить минимум по четыре диспетчерских заказа, о чем делались соответствующие отметки в путевых листах. Так что с вызовом авто через диспетчера проблем никогда не было.

Задорный девичий голос пообещал, что авто подъедет буквально через десять минут. В общем-то неудивительно, конспиративная квартира контрразведки Генерального штаба располагалась неподалеку от центра. Ну и от одной из диспетчерских такси.

Кстати, в городе вот-вот должна была заработать еще одна станция такси. И это хорошо. Конкуренция в этом деле совсем не будет лишней. От этого выгода будет всем. И в первую очередь пассажирам, потому что не позволит станциям такси заплывать жиром.

Проводив адвоката, Клим Сергеевич присел за стол и вновь наполнил чашку чаем. Он уже давно должен был отбыть на строительство Кругобайкальской железной дороги для осуществления прикрытия по своему ведомству. В настоящий момент этот участок оставался оголенным ввиду отсутствия начальника управления. Прежний погиб в результате нападения бандитов. Что в тех местах случилось вовсе даже не редко.

Но как только ему стало известно о том, что в столице возбуждено уголовное дело в отношении некоего Пастухова, как он тут же насторожился. Проверка по линии контрразведки подтвердила его предположения. Это был тот самый Пастухов, который его интересовал.

Конечно, странностей в его облике хватало. Человек без роду без племени, обладающий прямо-таки даром оказываться там, где не следует, но непременно оборачивать все к своей пользе. Прямо везунчик какой-то. К тому же с головой. Окончить экстерном железнодорожное училище — это не всякому дано. Да еще и помимо училища он имел кое-какое самообразование.

Нет, землю русскую не удивить людьми, родства не помнящими. И уж тем более после такой войны. И самородки где только не случаются. Да и везунчиков на свете хватает. Но этот заинтересовал Клима Сергеевича тем, что год назад убил японского лейтенанта по фамилии Такахаси. Младшего брата майора Такахаси.

Именно этот японский офицер и должен был стать главным противником капитана Клюева. То, что сейчас между Японией и Россией мир, ничего не означает. Война продолжается, пусть она и пребывает в холодной стадии. Впрочем, кровь там льется вполне реальная, как японская, так и русская. Хм. Да и не только их.

Так вот, Клюев рассчитывал использовать Пастухова как живца, чтобы выманить майора Такахаси. Он не без оснований полагал, что японец захочет посчитаться с убийцей своего брата. Правда, посвящать в свои замыслы Пастухова капитан не собирался, решив использовать его втемную. Переиграть такого человека, как майор, было крайне сложно. Его скром-

ное звание ни о чем не говорило. Неуживчивый с начальством, своевольный и решительный человек. Не очень хорошие качества для успешной карьеры.

Но его ценили, отправляя на важные участки. И, несмотря на всего лишь майорский чин, Тахакаси был непростительно информированным офицером. Ключев хотел его заполучить. Чего бы это ни стоило. А для этого его нужно выманить.

Н-да. Непросто ему придется. Ведь нужно будет сделать все возможное, чтобы этот Пастухов дразнил майора, но не загнулся раньше времени. Ну и нельзя допустить его пленения. А то эдак уволочут его за кордон, иди потом, справляйся с ситуацией.

Глава 2 СТРАННЫЙ НЕМЕЦ

Поезд медленно подбирался к станции, и вагоны то и дело трясло на стрелках. Петр взглянул через окно на унылый зимний пейзаж. Где в другом месте тот непременно радовал бы глаз, даже в зимнюю пору. Но то на вольном ветру. А вот здесь, в окрестностях станции, глаз ничто не радовало. Снегопадов не было уже давно, поэтому повсюду видны грязные пятна, от черных до желтых. Нередки проплешины голой смерзшейся земли, образовавшиеся в результате сброса пара или слива воды из котлов. Штабеля поленьев вдоль рельсовых полотен, угольные склады, по большей части представляющие собой обычные кучи.

Вагонное депо с суetyющимися рабочими, маневровые паровозы, толкающие вагоны. Пакгаузы с все теми же вагонами, стоящими то ли под разгрузкой, то ли под погрузкой. Словом, обычная картина крупного железнодорожного узла со всей его неприглядностью. Впрочем, это хорошо и свидетельствует о движении прогресса вперед. И подобное наблюдается повсюду, не только в России или в Сибири.

А вот в окнах с другой стороны картина резко отличается. Там раскинулись заснеженные берега Ангары. Все белым-

бело, чисто и пригоже. Разве что поражает сама река. Нет, то, что могучий поток завораживает сам по себе, это понятно. Удивляет то простое обстоятельство, что этот самый поток виден.

Петр поначалу даже не поверил, что подобное возможно. Но эта сибирская река не перемерзала. Так. Есть что-то у берегов. Оно, конечно, вроде и немало, но на фоне реки слишком уж несерьезно. Ледовый панцирь от обоих берегов не покрывает даже четверти ширины потока. И это здесь, где даже сейчас, в марте, температура воздуха ниже десяти градусов.

На противоположном берегу дымит губернский город Иркутск. Н-да. Блеска особого нет. Не сказать, что вид города радует глаз. Но это опять же смотря с чем сравнивать. Если, к примеру, с городами из мира Петра, то оно и бедненько, и убогонько, и блекло. Но, исходя из современных реалий, Иркутск очень даже на уровне.

Даже отсюда, из проезжающего вагона, видно, что город активно застраивается и разрастается. Железнодорожное сообщение с центром страны сказалось на его развитии самым благоприятным образом. И дальше будет только больше. Хм. Разумеется, при разумном подходе к данному региону. Петр не очень разбирался в данном вопросе, но, насколько он помнил, в его мире дела в Сибири обстояли не самым лучшим образом.

Наконец раздался последний свисток паровоза, и вслед за этим — перестук буферов. Вагон вздрогнул, останавливаясь, слегка подался назад и замер. Прибыли. Станция «Иркутск». Пастухов поднялся, надел полушубок, подхватил чемодан, чехол с оружием, к которому были прикреплены лыжи, и направился на выход. Да и конвоиры покрикивают, торопят.

С одной стороны, оно вроде как особо спешить и незачем. Поезд простоит в Иркутске минут двадцать. Все же губернский город и для многих — конечная станция. Но поторопиться стоило. Для них путешествие по железной дороге закончилось. Дальше придется добираться, как бог положит. Или, если быть более точным, — то как местное начальство.

Так вот, за время стоянки должны не только сойти прежние пассажиры, но и успеть занять свои места — новые. Ведь

кому-то нужно двигаться и на восток, кому дальше, кому ближе. Жизнь — она не стоит на месте. А для того чтобы она стала проще, и налаживается железнодорожное сообщение.

Нынешнюю партию ссыльных перевозили в обычном вагоне третьего класса, как простых пассажиров. Разве что два десятка осужденных сопровождали четверо конвоиров и покидать вагон строжайше запрещалось. Если только не согласишься с конвоиром, который согласится тебя сопровождать. А так самая обычная поездка.

Петр прошел мимо конвоира, стоявшего сбоку прохода и покрикивавшего на ссыльных. Без злости, а скорее где-то даже с укоризной, взывая к совестливости. Правда, на одного из ссыльных конвоир все же и зыркнул, и гаркнул, помянув по матушке. Помогло. Молодой человек сначала растерялся, но потом подхватился и рванул с низкого старта, увлекая за собой пожитки.

Больше половины ссыльных были политическими, как правило, из числа рабочих. Петр предполагал, что основная их масса оказалась здесь из-за хронического некомплекта стройки государственной важности: не хватало подготовленных кадров.

Вторая часть довольно разношерстная. Тут и трое чиновников, бог весть чем не угодивших начальству. С одной стороны, вроде как растратчики, с другой — отправлены в ссылку не по суду, а через министерство внутренних дел. Скорее всего, забыли о том, что боженька велел делиться. Купеческий отпрыск, по пьяной лавочке набивший морду не тому, кому следовало. Молодой герой-любовник, перешедший дорогу какому-то влиятельному лицу. К его обиде, он и сам не знал кому. Репортер, гонявшийся за сенсацией и, похоже, ухвативший ее на свою голову.

Были и двое студентов, отчисленных из университета за тягу к знаниям. Ребята решили доказать товарищам и себе любимым, что сумеют изготовить динамит на манер жюльверновского инженера Сайреса Смита из «Таинственного острова». Иными словами, из подручных или, если точнее, из подножных средств. И надо сказать, весьма преуспели в этом.

Им еще повезло, что отделались так легко. К террористам в России отношение особое. Здесь нет смертной казни, только каторга на различные сроки или ссылка, которая может быть и пожизненной. И лишь террористы и заговорщики могут удостоиться смертной казни через повешение.

Из всей партии ссыльных за реальное уголовное преступление, предусмотренное уголовным уложением, осужден был только он, Петр. Вот такие пироги с котятами и выверты правовой системы Российской империи. Аркадий Петрович и впрямь умудрился превзойти самого себя, пусть ему и не удалось отстоять невиновность клиента. Если суды и приговаривали к ссылке, то в подавляющей массе это были политические осужденные. И яркое тому подтверждение — их партия.

Перрон встретил Петра морозной свежестью, десятком конвоиров и парой десятков разномастных пассажиров, в нетерпении ожидавших начала посадки в вагон. Петр отметил для себя, что большинство тех, кто готовился к посадке, — крестьяне и рабочие. И впрямь железная дорога приносила в эти края оживление.

Побывать в Иркутске, раскинувшемся на правом берегу Ангары, Петру так и не довелось. Едва выгрузившись из вагонов и определив пожитки на сани, с которыми арестантов встречали местные представители конвойной стражи, их препроводили на этап¹. Петру уже доводилось слышать о том, что этапы по сути своей были придорожными тюрьмами. Причем плохо приспособленными для содержания арестантов.

Впрочем, им повезло. Постройка оказалась новой, и не просто с крепкими стенами и решетками, но и с хорошо сложенной печью. Не сказать, что в помещении было жарко, но вполне тепло. Хотя, конечно, антисанитария полная. Петр откровенно опасался подхватить тут каких-нибудь жильцов. Уж больно все выглядело непрезентабельно.

¹ Этап — пункт для ночлега и дневок партий арестантов и войсковых команд во время передвижений их по грунтовым дорогам. — *Здесь и далее примеч. авт.*

Впрочем, чему удивляться, если это обычный перевалочный пункт каторжан. Отдельные сооружения под ссыльных никто строить не собирался. Единственное отличие — их не запирали по камерам, хотя охрана в лице двух вооруженных конвойных присутствовала.

— Уважаемый, как к вам обращаться? — поинтересовался Петр у одного из новых конвойных.

Старая команда передала ссыльных местным и сейчас отдыхала в ожидании обратной партии, из лиц, уже отбывших наказание. Угу. Тут никаких порожних прогонов быть не может. Опять же на обратном пути той строгости, что по пути на каторгу, нет, тут и небольшая команда, до того сопровождавшая ссыльных, управится.

— Называй Петровичем, — степенно ответил унтер, огладив усы.

— Надолго мы тут застряли?

— Спешись?

— Да уж лучше бы поскорее оказаться на месте и определиться с жильем, чем в этих хоромах прохлаждаться.

— Завтра за вами пришлют грузовики, и поедем с богом.

— Грузовики?

— Ну да. Вы же все на жительство в Слюдянку. А тамошнее начальство всякий раз набрасывается на команды ссыльных, как голодный на краюху хлеба. Среди вас ведь много образованных и мастеровых всяких, в которых на строительстве чугунки постоянный недостаток. В Слюдянку уже ушла телеграмма о вас. Так что не сомневайся, поутру два грузовика будут здесь. Вот каторжанам — тем да, приходится пешочком добираться. Ну и нам грешным.

— Ясно. Значит, ночевать здесь придется в любом случае.

— Это точно.

— А вы-то чего тут сидите?

— Служба, — неопределенно пожав плечами, ответил унтер.

— А ничего, что больше половины из нас имеют оружие?

— Эка невидаль. Среди ссыльных это не редкость.

— Ну и какво это — охранять вооруженных?

— А нормально. Мы ведь при вас, чтобы вы не забывали о том, что ссыльные и воли полной у вас нет. Опять же оружие-то вы, конечно, имеете, но вот захотите ли доводить до греха и менять ссылку на каторгу?

— Это точно, не захотим.

— То-то и оно.

— Петрович, а как бы организовать чистое место, а? Нет желания обзавестись соседями.

Петр никогда не то что не имел дел со вшами, но даже ни разу в жизни их не видел, только слышал. Но это вовсе не означало, что он готов к знакомству. Сумел этого избежать даже в «Крестах», и хотелось бы отложить такое знакомство на неопределенное время. Да хоть бы вообще не знать.

— Это да. Соседей тут подхватить проще простого, — огладив усы, согласился унтер. — Но если подумать, то можно что-нибудь устроить.

— И тоже за отдельную плату?

— Ну это как водится.

— Дорого?

— Тридцать рублей.

— За сутки?! — возмутился Петр.

— Отчего же за сутки? Пока вас не заберут. А мало ли как оно все обернется, поломка или какая иная напасть. Вас-то ждут с нетерпением, но чего только в жизни не случается, — все так же степенно ответил Петрович.

— Это да. Жизнь, она полна неожиданностей, — вынужден был признать Петр. — А что хоть входит в эти тридцать рублей?

— Отдельные конвоиры, изба, теплая и чистая. По желанию можно и баньку истопить. Невелик труд. Ну и домашние харчи.

— А давай, — решил согласиться Петр.

Конечно, плата непомерная. Тем более если получится, что уплатил только за один день. Но с другой стороны... Пошло оно все к нехорошей маме. Сегодня пожалеешь три червонца, завтра придется бороться с паразитами.

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Глава 1.</i> «Кресты»	5
<i>Глава 2.</i> Странный немец	31
<i>Глава 3.</i> Первая ласточка	54
<i>Глава 4.</i> Старые счета и новый враг	79
<i>Глава 5.</i> Гордиев узел	101
<i>Глава 6.</i> Оборванный след	126
<i>Глава 7.</i> Набег	147
<i>Глава 8.</i> Догнать, порвать, спасти	178
<i>Глава 9.</i> Прозрение	208
<i>Глава 10.</i> Паранойя	230
<i>Глава 11.</i> Покушение	257
<i>Глава 12.</i> Она меня за муки полюбила...	288